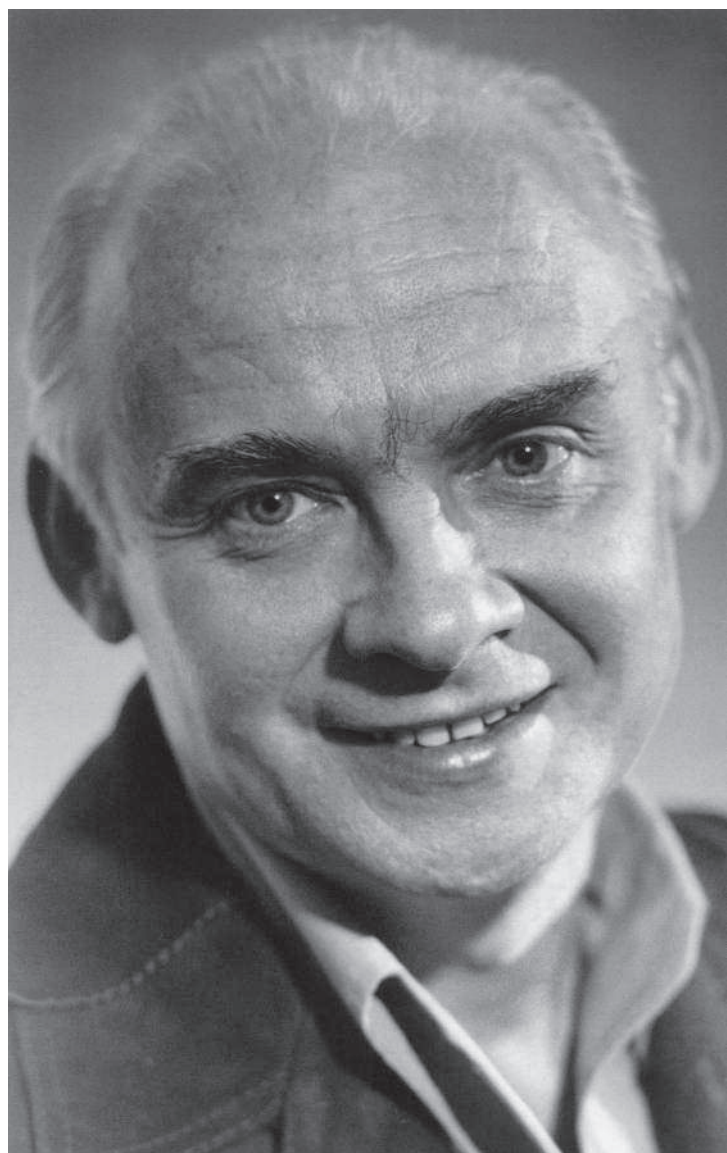

Библиотека лучшей поэзии

НИКОЛАЙ
ДОБРОПРАВОВ

*Надежда –
мой компас земной*

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д 56

Дизайн серии *Ивана Ковригина*

В оформлении книги использованы фотографии
работы *П. Маслова, М. Пазия, Б. Мишина,*
Л. Прохорова, С. Арзуманяна,
а также предоставленные автором из личного архива

Издание иллюстрировано художественной графикой
Аиды Лисенковой-Ханемайер

Добронравов, Николай Николаевич

Д 56 Надежда – мой компас земной / Николай Добронравов. –
Москва: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.; илл. –
(Библиотека лучшей поэзии).

ISBN 978-5-17-109171-2

Кто не знает песен «Как молоды мы были», «Я не могу иначе...», «Надежда», «Птица счастья», «Мелодия», «Беловежская пуща», «Русский вальс»!..

Песни на стихи Николая Добронравова поют по всему миру. Их сделали знаменитыми Муслим Магомаев, Майя Кристалинская, Анна Герман, Валентина Толкунова, Иосиф Кобзон, Лев Лещенко... и конечно, музыка Александры Пахмутовой.

Не одно поколение людей выросло на стихах поэта. Сегодня его строчки часто цитируют, даже не задумываясь, кто их автор. Он давно стал любимым и истинно народным поэтом.

Книга включила в себя как хорошо известные и полюбившиеся читателю стихотворения, так и совсем новые, написанные за последние годы. Это стихи о любви и о жизни. Они отражают разные вехи истории нашей страны прошлого столетия и настоящего, ее великие и печальные дни, даря надежду на добрые перемены.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-109171-2

© Н.Н. Добронравов, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Мы - дети самой преданной любви.
Её никто отныне не отнимет.
Ещё поют в России соловьи, -
И, знаешь, песня землю не покинет!

Еще жива
родная сторона

Время

Времени нечеткий негатив.
Но Пегас по-прежнему ретив.
Люди на свету или впотьмах, —
время проявляется в стихах.

Наши боль, и мужество, и страх, —
время выражается в стихах.
Велика поэтами Россия.
Велика поэтому Россия.

Зачарованная даль

Нас осталось так немного.
Нас еще томит печаль.
Заповедная дорога,
Зачарованная даль...

Здесь до боли все знакомо.
Здесь родные берега.
И ведет дорога к дому
Сквозь невзгоды и века...

У родимого порога
Снова вишни зацветут...
Здесь все лучшее от Бога.
Здесь меня, как Бога, ждут.

Снова музыка воскреснет.
Оживет лесной рояль...
И воскреснет наша песня —
Зачарованная даль.

Дом родной — края лесные.
Путь домой — и свет, и грусть...
Заповедная Россия,
Зачарованная Русь.

Родная сторона

Здесь, как и встарь, — фасады в три окна...
На всех оконцах — ставеньки резные.
А на опушке

ягоды лесные.

Еще жива родная сторона.

Над крышами — сиреневый дымок.
У палисада

юные березы.

А ранним утром так прозрачны росы...
И небосвод по-прежнему высок.

Еще слышны здесь птичьи голоса.
Еще буренка топчется на взгорье.
И кур крадет

из ближнего подворья
из леса забежавшая лиса.

Но сколько здесь уродливых пеньков!
Беспутной жизни множество отметин...
Ручной пилой отрезаны столетья
от нынешних компьютерных годов.

Меж Арбатом и Тверской

Путь земной мой только начат.
Жизнь пока что налегке.
От площадки от Собачьей
жили мы невдалеке.

Двор наш узок был и гулок.
Подворотен волшебство.
Трубниковский переулочек —
гавань детства моего.

В той эпохе домуслимовой,
в страшный год тридцать восьмой
возле лавки керосиновой
я стоял на Поварской.

И с наполненным бидончиком
я домой к себе бежал,
в кухню, к примусу с поддончиком,
в свой родной полуподвал.

Рядом был Союз писателей,
тут он был, на Поварской.
И тогда уже не ладили
гении между собой.

Молодые все, да ранние...
Был Корней еще не стар.
И просящий подаюния
чуть подвыпивший Гайдар.

А когда бежал из школы,
как всегда — к себе в подвал,
дядю Степу Михалкова
на углу я повстречал.

И чуть-чуть уже кумекая,
пристрастившийся читать,
прибегал в библиотеку я
с другом
книги выбирать.

Мы любимся обложками.
Постигаем Имена.
Всех путевыми дорожками
нас вела Читай-страна.

После школы были вузы.
Даже два. Театр. Эфир.
Я в юнцах на сцене ТЮЗа
был хорош вполне и мил...

Много ль надо человеку,
что в те годы возникал?
Я свою библиотеку
по крупицам собирал.

С детства рифмой звонкой ранен,
собирал не все подряд.
Блок, Крученых, Северянин
до сих пор в шкафу стоят.

И все чаще в эту пору
те стихи я вспоминал,
что в трамваях, в коридорах
между делом сочинял.

Но в начале литработы
стал я сразу понимать:
стих — забава.

Надо что-то
посерьезней сочинять.

К нашей пьесе самой первой
долго шли с Сережей мы.
Наконец, сбылась премьера
с режиссером Деммени.

Это было в Ленинграде.
А в Москве

уже потом
стали пьесы наши ставить
в каждом клубе городском.

Я к писательству де юре
был тогда еще в пути.
Был тогда в литературе,
как в театре — травести.

Правда, книги издавались —
проза, сказки для детей.
А стихи... Те оставались
страстью тайною моей.

Ах, тогда, в шестидесятых,
моден был нелегкий труд.
Сколько фильмов было снято
тех, что до сих пор живут.

Сколько песен было спето
тех, что в сердце мы храним.
Был лучом любви и света
ослепительный Муслим!

Я как будто бы очнулся.
Мир открылся мне иной...
Робко к песне прикоснулся,
к песне детской, озорной.

Оказался не статистом
я на песенной стезе.
Стал поэтом и артистом
я в те годы в ДЗЗе*.

Появлялся в альманахах...
Первый сборник... И второй...
Стал входить почти без страха
я в СП на Поварской.

На судьбу свою не сетовал,
среди великих — не изгой.
Как внимательно беседовал
Юрий Трифонов со мной!

Здесь встречался я с элитой.
И меня без лишних слов
привечали знаменитые
Смеляков, Гамзатов, Львов!

Ах, с годами все отчетливей
свет и тени прошлых лет!
Громы-звоны не умолкли
поражений и побед.

Пусть за дальними широтами
необъятная земля,
за Никитскими воротами
состоялась жизнь моя.

Пусть изъезжено немало,
но они навек со мной —
эти несколько кварталов
меж Арбатом и Тверской.

* Дом звукозаписи. — *Примеч. авт.*